

УДК 327.8

А.А. Гравер

**СИМВОЛИЧЕСКИЕ КАПИТАЛЫ ПУТИНСКОЙ РОССИИ
В МИР-СИСТЕМЕ XXI ВЕКА. ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ**

Изложен опыт изучения и разработки «символических капиталов» России. Дана интерпретация понятия, изложены основные теоретико-методологические основания работы, приведены результаты исследования и основные выводы.

Ключевые слова: символический капитал, Россия, взаимодействие, мир-система.

Современная политическая жизнь бросает новые вызовы, которые требуют новых ответов, нового, нетрадиционного взгляда на проблемы современности. Данная статья является попыткой обозначить рамки подхода, дающего свежий взгляд на проблему восприятия нашей страны, основанного на синтезе неомарксистского (мир-системного) представления о политическом мире и структурализма П. Бурдьё.

Объектом нашего исследования, в терминах Валлерстайна, является «целостность» – капиталистическая мир-система. Предметом исследования выступает «символический капитал», которым обладает Россия по различным направлениям внешней политики.

Цель работы – определить «символические капиталы» путинской России и оценить их эффективность по различным направлениям с точки зрения мир-системного подхода.

В итоге мы должны:

1. Определиться с термином «символический капитал», обозначить его место в структуре мир-системы.
2. Сформулировать представление о мир-системном подходе И. Валлерстайна.
3. Определить принципы выделения «символического капитала» и назвать его виды.
4. Провести анализ и выделить «символические капиталы» России по различным направлениям.

Используемый нами подход, по сути, является синтетическим и представляет сплав мир-системного подхода И. Валлерстайна и структурализма П. Бурдьё, основанный на анализе внешнеполитических взаимодействий (и их результатах). В частности, в работе использована идея «символических капиталов» П. Бурдьё. Выбор теоретико-методологической базы неслучаен. Структуралистский подход П. Бурдьё и его «теория полей», в целом, соответствуют логике мир-системного анализа И. Валлерстайна (выделение центра, периферии, полупериферии), а идея «символических капиталов» и стремление Бурдьё преодолеть и марксовский объективизм и щюцовский субъективизм органично вписываются в неомарксистское положение (которое разделяют и теоретики мир-системного подхода) о необходимости «символиче-

ской подпитки», что, безусловно, создает обширное пространство для теоретической конвергенции.

Символический капитал: понятие и роль в мир-системе

«Символический капитал» – термин, заимствованный у социолога П. Бурдьё, означает возможность навязывать «легитимный стиль перцепции». «Символический капитал, – пишет Бурдьё, – ... является не чем иным, как капиталом в том его виде, в каком его воспринимают агенты, наделенные категориями перцепции, происходящими от инкорпорации структуры его распределения, т.е. когда этот капитал узнается и признается как нечто само собой разумеющееся» [1. С.70]. Бурдьё называет также этот капитал «именем», «репутацией» или «престижем» [1. С.56].

Этот вид капитала является одним из важнейших и может либо накапливаться со временем, либо быть делегированным. И хотя Бурдьё – социолог, не выходящий на уровень анализа макрополитики, ничто не мешает нам экстраполировать его наработки на проблемы взаимодействия государств, ведь поле международной политики является таким же политическим полем, как и поле внутригосударственных отношений. Государства можно с полным правом также называть «агентами».

Может возникнуть резонный вопрос – не противоречит ли понимание государств как агентов нашей базовой концепции, используемой для объяснения конъюнктуры международного поля, – концепции мир-системы, ведь одно из ее положений заключается в том, что имеет место эксплуатация стран «периферии» странами «центра», и страны «периферии» лишаются самостоятельности в реализации стратегий развития¹. Самостоятельность же в выборе стратегии развития – один из ключевых моментов в понимании «агентов» Бурдьё. Агенты же у Бурдьё «не являются автоматами, отлаженными как часы в соответствии с законами механики, которые им неведомы, агенты осуществляют стратегии – своеобразные системы практики, движимые целью, но не направляемые сознательно этой целью» [1. С. 12]. На самом деле, данное противоречие ложное и снимается положением Валлерстайна о том, что в современной мир-системе, несмотря на ее живучесть, есть, во-первых, оппозиционная динамика в странах периферии. Это говорит о наличии самостоятельного, осознанного выбора относительно того, какую стратегию развития выбрать, и, во-вторых, существуют страны полупериферии, которые довольствуются местом между «центром» и «периферией» и дорожат им, что тоже, несомненно, является ценностью, артикулированной самостоятельно.

Следует отметить отдельно и положение Бурдьё о том, что различные виды капиталов: экономический, символический, политический – могут быть

---

¹ Мы разделяем основные положения мир-системного подхода, родоначальником которого является И. Валлерстайн. Согласно этому подходу весь международный мир политики представляет собой мир-систему – систему, где сильные государства (центр) подчиняют своим интересам более слабые государства (периферию). Эта особенность имманентна самой мир-системе, является ее сутью и производной от господства либеральной экономики.

конвертированы друг в друга, конечно же, с поправкой на различную степень ликвидности [1. С. 211–215].

По сути, говоря о «символическом капитале», мы говорим о том, насколько сформировано общее символическое пространство агентов, в рамках которого они одинаково воспринимают окружающий политический мир, и какова их «репутация» друг у друга. Безусловно, существует прямая корреляция между «репутацией», или «престижем» («символический капитал») и тем, насколько серьезная роль отведена агенту в политическом пространстве. Анализ прошлого опыта взаимодействия агентов с очевидностью позволяет определить, каким «символическим капиталом» обладает тот или иной участник политической жизни, что создает возможности как для диагностики сложившейся ситуации, так и для ее прогнозирования.

Прояснив понятие «символического капитала», обозначим его место и роль в структуре мир-системы и ответим на ряд теоретических вопросов, которые могут возникнуть при использовании этих категорий в рамках одного подхода.

Мир-система, хотя и является целостностью, но все же состоит из отдельных компонентов – государств, которые являются агентами. Между агентами существуют взаимоотношения по определенному комплексу вопросов. В случае нахождения компромисса или консенсуса по определенному кругу вопросов агенты начинают отстаивать достигнутое соглашение совместно, возникает общее символическое пространство в мир-системе, формируется «символический капитал», т.е. агенты начинают одинаково смотреть на политический мир, одинаково воспринимать все явления, которые так или иначе попадают в зону действия совместно выработанной позиции. Это и есть «легитимный», т.е. обоюдно признаваемый верным, «стиль перцепции», или, говоря по-другому, стиль восприятия. Чем шире круг проблем, по которым у агентов сформирована совместная позиция, чем теснее кооперация, тем более мощный и более ликвидный «символический капитал» возникает. Под ликвидностью «символического капитала» понимается способность аккумулировать ресурсы (экономические, политические, военные и др.) с помощью государства-партнера или союзника ввиду общности восприятия политических явлений. Таким образом, «символические капиталы» являются неотъемлемой частью в структуре мир-системы.

На первый взгляд может показаться, что понятие «символический капитал» и подразумеваемые под ним теоретические построения трудно синтезировать с понятием и теорией мир-системы. Бурдые в своих статьях весьма критически относится к классическим марксистским установкам и четко дистанцирует свои идеи от идей марксистов. Действительно, сложно помыслить классические марксистские положения с их идеей «примата экономики» вкупе с подходом Бурдые, в котором экономика отходит на второй план, уступая место символической борьбе, да и «агенты» у Бурдые это не классические «субъекты марксизма». Кажется, противоречия непреодолимы, но это только на первый взгляд.

На деле же антиномии оказываются не такими глубокими, что дает возможность для теоретического синтеза, или, как это называет Ш. Эйзенштадт, «теоретической конвергенции». Точки соприкосновения очевидны, лежат на

поверхности, и суть их сводится к тому, о чем писал еще А. Грамши в своих «Тюремных тетрадах», а именно нетрадиционному для классического марксизма учету важности идей и идеологий, отказу от тотального примата экономического базиса. Согласно концепции гегемонии А. Грамши, экономический базис не сможет амортизировать все социальные конфликты, а потому нуждается в «идейной подпитке». Схожие мысли в своей теории идеологии высказывал и Луи Альтюссер, который, кстати, был учителем Бурдьё и оказал на него значительное влияние, что проявилось в «символистском» характере мышления Бурдьё.

Данную идеологическую «подпитку» и можно назвать «стилем перцепции» Бурдьё, об этом пишет и Валлерстайн, рассматривая проблемы повышения конфликтности в современной мир-системе. Мир-система, по словам Валлерстайна, не только в экономическом кризисе, когда обостряются конфликты внутри «периферии» и между «центром» и «периферией», потоки миграции создают почву для экономического кризиса. Повышение конфликтности можно и нужно связывать, на наш взгляд, с экономическими противоречиями мир-системы, но эту конфликтность можно охарактеризовать и как конфликты «символических капиталов», «стилей легитимной перцепции». Вот, на наш взгляд, связка «символических капиталов» и «мир-системы».

Взаимодействие со странами способствует укреплению, стабилизации мир-системы, но, как пишут И. Валлерстайн и С. Амин, это лишь продляет агонию капиталистической мир-системы. По нашему мнению, такое явление «неорганично», носит механистический характер, если говорить словами Э. Дюркгейма. Как бы то ни было, иной формы, отличной от механизма капиталистических систем, история нам не дала. Валлерстайн верно ответил на упрек, о том, что СССР представлял собой систему некапиталистическую, вопросом: «Вы бы не могли мне назвать хоть один таксономический признак, согласно которому СССР нельзя было бы отнести к чему-то, отличному от современной капиталистической мир-системы?» А раз так, раз нет иных форм, во всяком случае пока, нужно использовать то, что имеется, то есть России не следует ждать, пока рухнет, как прогнозирует Валлерстайн, старая мир-система, и не нужно прямо вмешиваться в происходящие в настоящее время процессы деструкции. Из любой деструкции порождается нечто новое, но генетически связанное со старым, и мы не склонны думать, что появится что-то, существенно отличное от капиталистических механизмов социального устройства. Правы и П. Сорокин, и Р. Будон, и Ш. Эйзенштадт, и многие другие исследователи, осознающие эту мысль. Из этого следует, что России нужно реструктурировать реальность и конструировать символическую реальность иного порядка. Старая мир-система разрушится, конечно, это положение Валлерстайна спорно, но действительно – кризис налицо. России не получить иного места в рамках существующей мир-системы, ниши заняты и отстаиваются нынешними их владельцами, а значит, на наш взгляд, следует создать иную, пусть не отличающуюся в механизмах, но отличную в конфигурации мир-систему. Систему, место России в которой будет не на «периферии». Для этого существуют и реальные механизмы, «меркантилистского полухода». Следует развивать альтернативный вектор сотрудничества со стра-

нами полупериферии и периферии, причем либо на равных правах, либо на правах «старшего партнера», формируя собственный мощный «символический капитал», в противном случае государство обречено на восприятие чуждого «стиля перцепции», чуждого «авторитета» и прозябание на периферии мир-системы, без шансов на большее. Таковы наше видение современного мира и наша основная идея, которую мы стремимся донести до читателя. Именно артикуляция «символических капиталов» поможет нам проанализировать сложившийся статус-кво, четко определить место России в мир-системе и очертить грани перспективных для России направлений. Очертить те направления сотрудничества, которые на самом деле ведут к процветанию нашей страны, формируют новый мировой порядок и, наоборот, которые, при видимой предпочтительности, способствуют заморозке положения, где России отведено место на «периферии».

И. Валлерстайн: мир-системный подход и современный мир

Один из знаменитых исследователей работ И. Валлерстайна, Г. Делугьян в своей статье «Самый неудобный теоретик» делает очень верное замечание: «Национальные государства не могут быть самостоятельной и самоценной единицей изучения, что бы ни предписывали национальная гордость и министерства науки. Как в астрономии, предмет исследования един периферия – Вселенная, так и в социально-исторической науке единицей исследования должна быть вся социальная система» [2. С. 74]. Сам собой возникает вопрос о связи данного исследования с мир-системным подходом, ведь мы не стремимся охватить объект исследования – мировую социальную систему холистически. Ответить на этот вопрос можно словами того же исследователя: «Только в рамках мир-системы возникают и могут быть продуктивно исследованы две основные институциональные опоры современности – государства и рынки» [2. С. 74]. На наш взгляд, этот постулат означает то, что нельзя охватить необъятное, коим является социальное или социальные системы, но нужно изучать частное, понимая его место в структуре общего. Именно об этом нам и говорят основные методы познания – анализ и синтез¹.

И. Валлерстайн является в настоящее время одним из крупнейших ученых в области мировой политики и международных отношений. Однако его известность во многом обусловлена неприятием созданной им концепции «мир-системы» в широких научных кругах, хотя нельзя не отметить увеличение количества сторонников его концепции в мировом научном сообществе. Среди наиболее крупных и известных исследователей можно назвать такие имена, как Джанет Абу-Лагход, Самир Амин, Джованни Арриги, Крисс Чейз-Данн, Арджири Эммануэль, Андре Гундер Франк, Теренс Хопкинс, Питер Тэйлор. К этому списку следует добавить и открывающиеся по всему миру научно-исследовательские центры, занимающиеся разработкой тематики мир-системного анализа. Конечно же у мир-системного анализа есть и свои критики, среди которых невозможно не назвать таких исследователей, как

---

¹ Подобное мнение хотя и имеет критиков, но, на наш взгляд, весьма адекватно. См., напр.: *Салмин А.М.* Современная демократия. Очерки становления. М.: Ad Marginem, 1997. 449 с.

Роберт Бреннер, Тед Скочпол и Аристид Зольдберг, но все же данная критика носит ограниченный культурологический характер. Также невозможно не упомянуть Стэнли Ароновича с его «Метатеоретической критикой И. Валлерстайна».

О чем же пишет Валлерстайн? Почему его хвалят и продолжают заложившую им традицию, с одной стороны, и подвергают жесткой и систематической критике – с другой? Рассмотрением этих вопросов мы и займемся.

Валлерстайн, критикуя все теории модернизации, пишет, что единственными предметами изучения, которые заслуживают внимания, являются целостности. Единственными целостностями, «которые существуют или существовали исторически, являются мини-системы и мир-системы, а в XIX–XX вв. существовала лишь одна мир-система – капиталистическая мир-экономика» [3. С. 23]. Для дифференциации и структурирования различных систем как в историческом, так и в сущностном плане Валлерстайн использует две основные характеристики:

- характер системы разделения труда;
- уровень культурной гомогенности.

Мини-системы, в представлении Валлерстайна, – это исторически отмершие, архаичные социальные системы, которые характеризуются культурным единством и собственной системой разделения труда. На данный момент существование систем подобного рода невозможно ввиду невозможности выполнения требования автаркии в современном мире.

Мир-системе присущи единая система разделения труда и внутренний культурный плюрализм. Это понятие общее, мир-системы могут быть двух видов: миры-империи и миры-экономики, отличие между которыми состоит в том, что первая обладает единой политической системой, а вторая, соответственно, нет.

Миры-империи существовали достаточно давно и отличались тем, что экономические ресурсы в основном перераспределялись, а доля торговли была незначительна, поэтому эти системы нельзя назвать капиталистическими (например, Древние Египет и Рим). С развитием рыночной торговли (имеется в виду торговля на большие расстояния, и не предметами роскоши, а предметами, жизненно необходимыми для системы, что обеспечивает взаимную связь), в XVI в. появляется система, которую позже назовут капитализмом. Конечно же, это положение спорно, но Валлерстайн считает, что именно это время является датой возникновения капитализма. В итоге появляется система, которая в XX в. охватит весь мир и которую Валлерстайн назовет «капиталистической мир-экономикой», или «единственной мир-системой». Наличие внутри этой системы миров-экономик исключено, так как она охватывает весь мир и является целостностью.

Не будем рассматривать историю становления европейского капиталистического мира-экономики, отослав читателя к статьям Валлерстайна по данной тематике [3. С. 63–108], отметив лишь то, что постепенно в капиталистической мир-экономике появился экономический центр и произошло укрепление государственных машин этого центра.

Валлерстайн использует идею Ф. Броделя о трех экономических зонах внутри одной системы, заимствует он и термины для их обозначения. Он называет их «центром» (развитыми регионами, извлекающими прибыль), «периферией» (обеспечивающей ресурсами «центр») и «полупериферией». «Полупериферия» является своеобразным буфером, сглаживающим противоречия между «центром» и «периферией», и играет, скорее, политическую, нежели экономическую роль¹.

Обеспечение стабильности в условиях «неравного обмена» между большинством и меньшинством в мир-системе обеспечивается тремя способами:

– «Центр» сосредотачивает в своих руках военную мощь, технический прогресс в данном случае качественно увеличивает его потенциал.

– Обеспечение идеологической поддержки. «Я не имею в виду то, что часто определяют как легитимация системы, – пишет по этому поводу сам Валлерстайн. – <...> Я имею в виду степень, в которой персонал, или специалисты, или коды системы осознают, что их благосостояние является производным от выживания системы как таковой, и от компетентности ее лидеров. Именно этот персонал является теми, кто не только проповедует миф, но и верит в него» [3. С. 42]. Здесь Валлерстайн близок к концепции гегемонии А. Грамши, согласно которой недостаточно завладеть властью механически, нужно еще и органически завладеть умами людей, внедрить идею о необходимости данного устройства власти и веру в существующую элиту².

– Собственно «полупериферия», которая сглаживает противоречия, занимающая срединное место, так как одновременно является носителем преимуществ по отношению в «периферии», но все же не имеет абсолютных привилегий «центра».

Эволюция Европейской мир-экономики, которая поглотила все остальные миры-экономики (в том числе и крупнейшую вне пределов Европы – Россию), проходила в четыре этапа:

- становление (1450–1640);
- консолидация (1650–1738);
- промышленно-капиталистическая стадия (поиски ресурсов и рынков вне своих границ, с переходом гегемонии по циклам Кондратьева/Чижевского, о чем также писал Бродель);
- консолидация мир-экономики промышленного капитализма.

Мы намеренно опускаем подробное рассмотрение этих стадий, дабы избежать углублений в частности. Единственное, о чем стоит сказать отдельно, это то, что на четвертой стадии (1917–1940-е) осталась одна-единственная мир-система с центром в США.

В сущности капиталистической мир-системы XX в. заложены противоречия, которые с неизбежностью должны привести к ее краху (Валлерстайну не чужда идея рождения и смерти всех социальных систем). С одной стороны

---

¹ Проводится аналогия в классами. См. статью «Классообразование в капиталистической мир-экономике».

² Концепция гегемонии состоит из политического, морального и интеллектуального, т.е. идейного доминирования, по-другому – господства идеологии. – См.: *Swingewood A. A short history of sociological thought.* Houndmills: Palgrave, 2000. С. 117–118.

это проблемы органические. Тенденция к деструкции капитализма заложена в его основе, существует генетически. Непосредственных парадоксов капитализма выделяется два:

1. Кратко первое противоречие Валлерстайн сформулировал так: «В то время как в краткосрочной перспективе максимизация прибыли требует максимизации изъятия прибавочного продукта из непосредственного потребления большинства, в долгосрочной перспективе непрерывное производство прибавочного продукта требует массового спроса, который может быть создан лишь перераспределением изъятого прибавочного продукта. Поскольку два этих соображения направлены в противоположные стороны, система переживает постоянные кризисы» [3. С. 56].

2. Второе противоречие Валлерстайн связывает с «кооптацией» оппозиционных движений, устраняя которые, владельцы привилегий отдают часть привилегий в обмен на лояльность, что решает проблему в краткосрочном плане, но порождает повышенные требования для последующих оппозиционных движений в долгосрочной перспективе.

С другой стороны, противоречие заложено в либеральной геокультуре, в когнитивном фундаменте, поддерживающем мир-систему. Сам либерализм – не более чем фикция, фарс, выгодный лишь «центру». В главе «Исторические дилеммы либерализма» [4. С. 123–194] Валлерстайн рассматривает основные принципы либерализма – равные права граждан и наций, которые, по его мнению, не выполняются. «Он (либерализм), утверждает права с целью, чтобы они не были применены в полном объеме», – пишет Валлерстайн. В противном случае нарушается статус-кво, который выгоден опять-таки центру. Отсюда и политика западных стран, а в качестве иллюстрации приводится политика по ужесточению иммиграции в страны либеральной демократии [4. С. 154].

Валлерстайн был удостоен всплеска негодования, когда озвучил свое следующее положение, согласно которому разница в развитии (экономическом, политическом и т.д.) между странами «центра» и «периферии» не может быть преодолена. Это противоречило общепризнанному мнению о том, что экономическое развитие возможно и в отсталых странах, эти страны способны догнать, ну, или хотя бы приблизиться к развитым странам. Валлерстайн говорит, что это еще один миф капитализма, а помощь развивающимся странам на деле оказывается кабалой и приводит лишь к развитию стран «центра». Развитие одной части мир-экономики на деле имеет своей оборотной стороной «упадок», «регресс» или «слаборазвитость» в какой-то другой ее части [4. С. 160]. Это утверждение верно, так как, на наш взгляд, «центр» заинтересован в сохранении существующего положения дел, а именно сохранении своих позиций и потенциала развития. Это возможно лишь при условии расширения рынка и получения ресурсов слаборазвитых стран, что исключает, в свою очередь, их собственное развитие. Таким образом, развитие «центра» несовместимо с развитием «периферии». За подобные мысли Валлерстайн удостоился жесткой критики теоретиков модернизации различного толка. Этот миф, является одним из основополагающих мифов в геокультуре, смысл которых в поддержании системы. Существуют еще два мифа геокультуры, которые все же отчасти отражают положение вещей: 1) страны суверенны и экономически автономны; 2) каждая страна имеет одну искомую

культуру. В структуре «геокультуры развития» все три положения на деле не отражают реальность, а служат стабилизации системы или установлению «гегемонии» А. Грамши.

Геокультура вообще явилась результатом Французской революции и, по сути, включает в себя различные идеологии (для Валлерстайна идеология – система идей, обеспечивающих функционирование систем). Это идеология консерватизма, либерализма и социализма. Однако для Валлерстайна эти идеологии автономны не в полной мере, и все они на данный момент существуют в рамках одной консолидирующей идеологии – либерализма. Французская революция дала два принципа [2. С. 143]: 1) осознание естественности изменений; 2) суверенитет народа. Однако эти принципы не гарантируют абсолютной легитимации системы, оставляя почву для возникновения «анти-системных движений». «Антисистемные движения» того времени потерпели неудачу, став своеобразной прививкой от проявления тенденций подобного рода. Например, профсоюзы или рабочие в борьбе за получение прав не учитывали женский фактор, в результате женские организации зачастую противостояли профсоюзам в борьбе за одни и те же права, что в конечном итоге играло на руку системе. Идеология либерализма восторжествовала. Как мы уже говорили, либерализм – противоречивое явление, и глубина этих противоречий со всей очевидностью остается под вопросом, но все же Валлерстайн верно отмечает обратную сторону этого явления – национализм/расизм и сексизм. Расизм вытекает из осознания в либеральной геокультуре того, что европейские ценности универсальны, и страны третьего мира могут быть суверенны лишь при наличии должного уровня образования. Иначе говоря, страны третьего мира не могут сами решать свою судьбу до определенного момента, это «варварские» страны. Из этого следует, что «права народов» зарезервированы за отдельными народами, но не за всеми. Сексизм проявляется в создании и активизации движений, основанных на этой почве. Получающие распространение организации «розового и голубого» толка направлены против либеральной геокультуры, хотя сами являются ее детищем. Эти два явления хотя и не признаются либералами, но все же существуют.

Мы намеренно не уделяем большого внимания эсхатологическим мотивам работ Валлерстайна, ибо его эсхатология неконструктивна. Он не дает нам альтернативы существующему мироустройству. Говорится лишь о ее наличии, но какова суть альтернативы, каковы хотя бы приблизительные рамки – неизвестно. Именно поэтому мы разделяем онтологические воззрения Валлерстайна, но не спешим разделить его мнение о крахе либерализма как явления. Мир-система нестабильна и, на наш взгляд, может и должна быть подвергнута деконструкции, но на тех же основополагающих принципах, так как путей к выработке альтернативных принципов в социальном мире не наблюдается.

Принципы выделения и виды «символического капитала»

Прежде чем обозначить ключевые положения, в соответствии с которыми мы будем выделять «символический капитал», следует сделать два замечания, которые лежат в основе наших представлений:

1. «Символический капитал» формируется в результате взаимодействий между агентами. В нашем случае агентами выступают государства – Россия и интересующие нас страны (страны центра – Великобритания, США, Германия. Периферии и полупериферии – Украина, Белоруссия, Казахстан, а также Китай). Так как само по себе государство – это абстракция, и сложно помыслить взаимодействие между государствами непосредственно, то нас будет интересовать взаимодействие между странами «на высшем уровне». Таким образом, мы редуцируем «межгосударственное взаимодействие» до встреч высших должностных лиц как в двустороннем, так и в коллективном порядке; как в рамках международных организаций, так и в рамках многосторонних консультаций. В дальнейшем использовать термин «межгосударственное взаимодействие» мы будем именно в этом смысле.

2. В соответствии с постулатами неомарксизма в качестве важнейших сфер взаимодействия будут выступать экономика, а также сфера безопасности и военного сотрудничества. Именно эти сферы являются определяющими в международной жизни, а потому они представляют для нас особенный интерес как области, дающие материал для анализа.

Теперь перейдем непосредственно к методологическим принципам выделения «символического капитала».

Само по себе межгосударственное взаимодействие может быть как двусторонним, так и многосторонним. Многосторонние встречи, при учете своей специфики (ведь возможно взаимодействие лишь в рамках организаций), при проведении исследования будут фиксироваться как двусторонние. То есть взаимодействие А, В, С, при условии, что А – это интересующий нас агент, будет тождественно взаимодействию А и В, А и С.

Также взаимодействие между государствами может носить различный характер, который и определяет вид «символического капитала».

Взаимодействие может быть:

1. Интегративным¹ – то есть результат проанализированного нами взаимодействия заключается в том, что было принято решение:

а) по экономике: создание совместной экономической организации с углубленным слиянием экономических систем (например, ЕС.) или заключение экономического союза;

б) в военной сфере и безопасности: создание совместной военной организации или заключение военного союза.

2. Кооперативным – то есть направленным на менее глубокое взаимодействие, которое проявляется:

а) в экономике: взаимодействие без заключения стратегических экономических союзов или глубокого слияния экономических систем с помощью создания организации;

б) в военной сфере и безопасности: кооперация лишь по ключевым вопросам, сотрудничество в этой сфере не носит стратегического характера.

3. Нейтральным взаимодействие будет тогда, когда встреча посвящена подведению итогов или не были затронуты интересующие нас сферы.

---

¹ Значение «2» присваивается, если подписан стратегический интеграционный документ. Значение «1,5» присваивается в том случае, если подписана договоренность или заявление.

4. Потенциально враждебное взаимодействие. Результатом встреч явилось отсутствие компромисса по рассматриваемым вопросам и, как следствие, отсутствие каких-либо договоренностей. Отсутствие совместного решения по какому-либо вопросу мы будем рассматривать как способствующее эскалации напряжения.

5. Враждебное взаимодействие. Этот вид взаимодействия проявляется в открытом противостоянии и обычно приобретает вид военных столкновений, экономические контакты отсутствуют.

Для того, чтобы определить интенсивность взаимодействия во временном срезе, мы будем учитывать и временной промежуток анализируемого нами материала. В качестве иллюстрации мы можем изобразить схему (рис. 1).

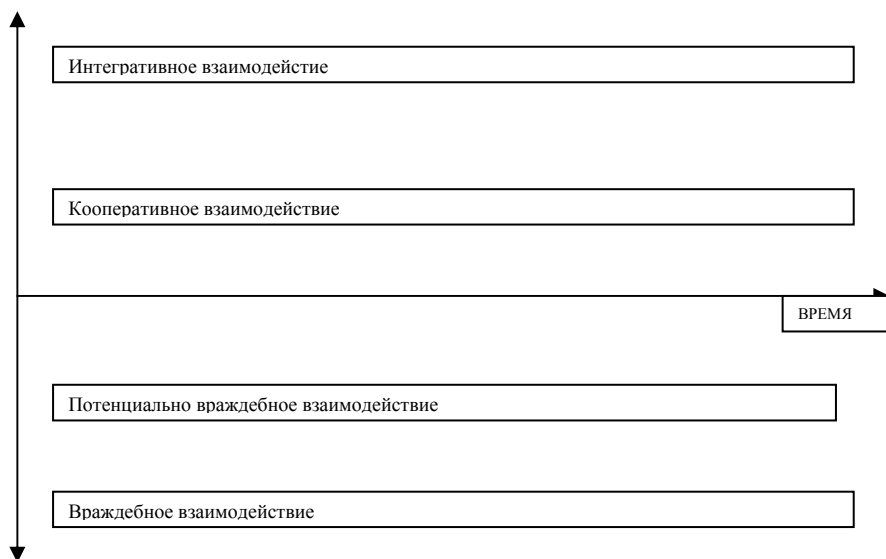

Рис. 1

Градация значений межгосударственного взаимодействия призвана не только дифференцировать виды взаимодействия, но и отражать контекст. Так, значение 2 и 1,5 присваивается при подписании документов высшего уровня интеграции (соответственно, 2 означает более высокий уровень, непосредственное создание союзных структур, 1,5 – документы по подготовке решения о создании структур или о взаимодействии в рамках союзной структуры), а значение 1 присваивается при подписании каких-либо документов по кооперации. Значение 0,5 отражает устные договоренности, а значение 0 – отсутствие таковых ввиду характера встречи. Отметим то, что в случае, если интегративное или нейтральное взаимодействие происходит в рамках союзных структур, то значение повышается на 0,5.

Стоит пояснить, что полное отсутствие межгосударственных контактов не следует рассматривать как нечто позитивное, ибо отсутствие опыта прошлого ограничит вероятность прогнозирования ситуации. Отсутствие каких бы то ни было договоренностей абсолютно нивелирует ценность агентов как партнеров. Здесь действует следующая логика: «Если у меня нет никаких дел

с этим партнером, то почему бы не попробовать сыграть с третьей стороной в ущерб его интересам, ведь даже в случае неудачи я ничего не потеряю».

Рассуждая далее, мы непосредственно выходим к Валлерстайновскому рецепту «меркантилистского полуухода», суть которого как раз и заключается в том, чтобы не абсолютно ограничить контакты со странами центра, но сделать их менее интенсивными. Это позволит избежать полной интеграции в существующий миропорядок, что позволит конструировать альтернативные мировые структуры и избегать потрясений, однако сохранит ценность мирного сосуществования, снизив вероятность развития сложно прогнозируемого, враждебного (а значит, и невыгодного обеим сторонам) сценария.

Следует сделать более подробное пояснение. В соответствии с разделяемой нами вышеизложенной гипотезой межгосударственное взаимодействие по разным направлениям будет оцениваться по-разному:

Со странами центра и полупериферии (нас будут интересовать США, Великобритания, Германия) желательно ограниченное взаимодействие (даже если вопрос не решается, следует продолжать консультации), оно необходимо для того, чтобы создать ценность неконфликтного сосуществования, не теряя при этом свой «символический капитал», свое видение мира и проблем.

Со странами периферии и части полупериферии (нас будет интересовать постсоветское пространство и пространство Восточной Европы) просто необходимо развивать контакты и сотрудничество, повышая интегративную составляющую в отношениях, формируя свой «символический капитал», который может быть быстро конвертирован внутри поля альтернативного межгосударственного взаимодействия.

Теперь мы можем выделить и виды символического капитала, который будет артикулирован по каждому из интересующих нас направлений. Как уже было сказано, характер межгосударственного взаимодействия определяет и вид «символического капитала».

Интегративному взаимодействию соответствует союзнический вид «символического капитала», который характеризуется общностью видения проблем и высокой ликвидностью, т.е. репутация может быть быстро конвертирована в политическую, экономическую и иные виды поддержки.

Кооперативному взаимодействию соответствует кооперативный вид «символического капитала». Этот вид капитала характеризуется меньшей степенью ликвидности и является переходным от квазикооперативного «символического капитала».

Квазикооперативный вид «символического капитала» возникает при взаимодействии, которое характеризуется нейтральным взаимодействием. Возможность использования «символического капитала» для решения проблем минимальна.

Потенциально враждебному межгосударственному взаимодействию соответствует потенциально-враждебный вид «символического капитала», а враждебному взаимодействию – враждебный «символический капитал». В обоих случаях использование возможностей «символического капитала» ограничено, так как отсутствует единое пространство для конструктивной коммуникации.

Символические капиталы путинской России (2000–2008 гг.)

Данный этап работы представляет собой практический анализ внешней политики России в период нахождения у власти В.В. Путина¹. Следует напомнить читателю интересующие нас направления взаимодействия России.

Во-первых, нас будет интересовать взаимодействие РФ с США, как одной из ведущих держав центра существующей мир-системы. По той же причине мы обратим внимание и на некоторые европейские страны, занимающие центральные места в мир-системе, – Великобританию и Германию.

Во-вторых, важным представляется анализ постсоветского пространства, в частности взаимодействия с Украиной и Белоруссией. Наш выбор обусловлен не только тем, что эти страны являются динамичной частью периферии мир-системы, но и тем, что они одни из наиболее весомых агентов на постсоветском пространстве.

В-третьих, безусловно, мы не сможем обойти стороной анализ восточного направления, в частности такой важной части полупериферии, как Китай.

Африканский регион, Ближний Восток и Латинскую Америку мы оставим за рамками анализа ввиду регламентации объема исследования, а также потому, что постсоветское пространство видится нам более перспективным направлением на временном этапе начала XXI в.

Россия – США

По результатам анализа информации о межгосударственном взаимодействии официального сайта МИД мы получили следующие результаты.

Рис. 2

Всего между Россией и США за период президентства Путина было зафиксировано 22 факта межгосударственного взаимодействия на высшем уровне. Из них 14 носят характер кооперативного взаимодействия (значение 1 присвоено 10 наблюдениям, значение 0,5 присвоено 4 наблюдениям), 6 но-

¹ Материал для анализа взят с официального сайта МИД РФ (<http://www.mid.ru>).

сят нейтральный характер и 2 наблюдения носят характер интеграционного взаимодействия (значение 1,5).

Для наглядности построим график¹.

Глядя на график, можно сделать вывод о том, что, несмотря на достаточную частоту фактов межгосударственного взаимодействия, среднее значение взаимодействия с США будет равно 0,68. Это число соответствует среднему показателю кооперативного вида «символического капитала». На практике это означает, что уровень ликвидности «символического капитала», которым обладает Россия по отношению к США, не очень высок. Формирование такого низкоэффективного «символического капитала» характерно ввиду учета приоритетной сферы взаимодействия РФ и США – безопасности, в частности разоружения.

Россия – Германия

Интенсивность межгосударственного взаимодействия между Россией и Германией была одной из самых высоких и насчитывает 28 наблюдений. Из них 24 наблюдения соответствуют кооперативному взаимодействию (10 со значением 0,5 и 14 со значением 1) и лишь два – нейтральному.

В данном случае график выглядит так (рис. 3)².

Рис. 3

График отражает высокую частоту взаимодействия, что, безусловно, является позитивным моментом при создании эффективного «символического капитала». Среднее значение будет равно 0,75, что соответствует эффективному виду «символического капитала» кооперативного вида. В реальной политической жизни это означает достаточно высокий уровень ликвидности

¹ График построен на основе проанализированного материала. К сожалению, объемы статьи не позволяют нам включить приложения.

² График построен на основе проанализированного материала.

«символического капитала» России во взаимоотношениях с Германией. В качестве отличительной особенности следует отметить высокую интенсивность взаимодействия, а также диверсифицированный характер межгосударственного взаимодействия. Отметим также и стабильность взаимодействий.

Россия – Великобритания

Интенсивность взаимодействия с Великобританией была одной из самых низких и насчитывает всего 14 фактов взаимодействия, подавляющее большинство из которых проходило в многостороннем формате. 11 наблюдений соответствуют кооперативному взаимодействию (5 со значением 0,5 и 6 со значением 1) и 3 наблюдения соответствуют значению 0 (рис. 4)¹.

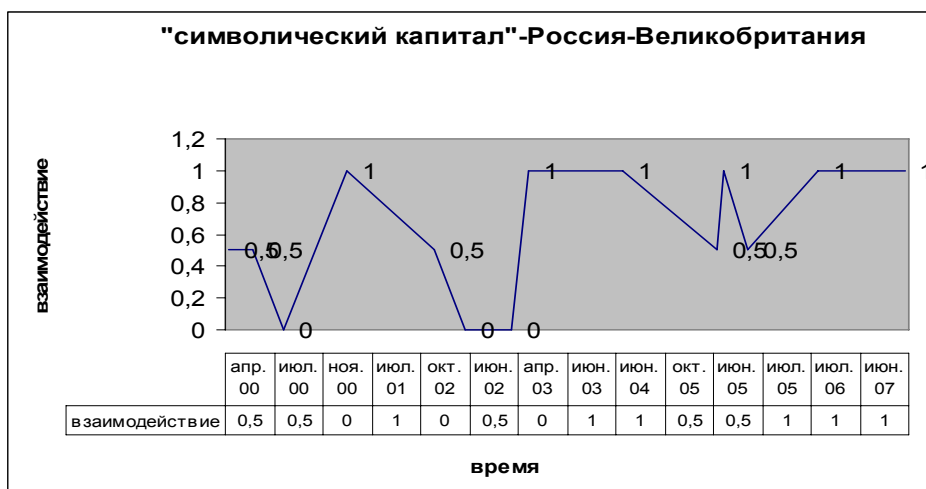

Рис. 4

На графике мы можем видеть, насколько низка интенсивность взаимодействия. Рассматривая принципы выделения символического капитала, мы отмечали, что ограниченное количество взаимодействий не является позитивным моментом, ибо повышает фактор неопределенности в политике (поэтому при вычислении среднего значения следует вычесть 0,5 в счет ограниченного количества контактов на высшем уровне). Среднее значение «символического капитала» России по отношению к Великобритании составляет 0,1. Это соответствует квази-кооперативному виду «символического капитала». Возможность конвертировать «символический капитал» в иные виды капитала минимальна. Основной отличительной чертой российско-британского взаимодействия является его многосторонний, а также ограниченный характер. Отдельно следует отметить и нестабильность взаимодействий.

¹ График построен на основе проанализированного материала.

Россия – Украина

Количество наблюдений межгосударственного взаимодействия России с Украиной составило 19. Из них 16 соответствуют кооперативному уровню взаимодействия (11 наблюдений со значением 0,5 и 5 со значением 1), одно наблюдение соответствует интегративному взаимодействию со значением 1,5 и два наблюдения соответствуют нейтральному взаимодействию со значением 0 (рис. 5)¹.

Рис. 5

Из графика мы можем видеть, что интенсивность взаимодействий средняя, а среднее значение взаимодействия составляет 0,6, что соответствует среднему показателю кооперативного вида «символического капитала». Применительно к политической жизни мы можем сделать вывод о невысоком уровне ликвидности «символического капитала» России по отношению к Украине. В качестве особенностей взаимодействия РФ и Украины можно отметить, что взаимодействие проходило как в рамках многосторонних встреч, так и в двустороннем порядке, а также что взаимодействие до 2004 г. носило более стабильный характер.

Россия – Белоруссия

Во взаимодействии России и Белоруссии насчитывается 21 наблюдение², 8 из которых носят интегративный характер (2 наблюдения с показателем 2 и 6 с показателем 1,5) и 13 кооперативный (8 наблюдений со значением 1 и 5 со значением 0,5) (рис. 6)³.

¹ График построен на основе проанализированного материала.

² Реальная цифра, конечно же, больше, это объясняется тем, что некоторые встречи лидеров стран носили неофициальный характер, поэтому по их результатам не было сделано никаких официальных заявлений, так же как и не было подписано никаких официальных документов.

³ График построен на основе проанализированного материала.

Рис. 6

Интенсивность межгосударственного взаимодействия достаточная, а средний показатель взаимодействия равен 1,1, что соответствует союзническому виду «символического капитала». Однако, как мы видим, уровень интегративного взаимодействия не очень высок, что обусловлено значимостью принятых решений на встречах в верхах. Предполагается, что для достижения более высокой степени эффективности «символического капитала» значимость принимаемых решений должны быть увеличена. Как бы то ни было, союзническому виду «символического капитала» соответствует высокая степень ликвидности, что означает общность восприятия политического мира и способность быстро извлекать и аккумулировать различные виды ресурсов ввиду этой общности. Отметим, что взаимодействие между Россией и Беларуссией диверсифицировано и проходило как в рамках двусторонних встреч, так и на коллективных форумах, и характеризовалось стабильностью.

Россия – Китай

Во взаимодействии России с одной из важнейших стран полупериферии – Китаем, насчитывается 15 наблюдений, 14 из которых соответствуют кооперативному взаимодействию (10 со значением 1 и 4 со значением 0,5) и одно интегративному (рис. 7)¹.

Из графика видно, что интенсивность взаимодействия низка, хотя стабильность взаимодействия и результативность налицо. С поправкой на низкую интенсивность среднее значение взаимодействия составит 0,4, что соответствует низкому уровню кооперативного взаимодействия. Это число соответствует среднему показателю кооперативного вида «символического капитала», а значит, уровень ликвидности низок. Главная особенность взаимодей-

¹ График построен на основе проанализированного материала.

Рис. 7

ствия России и Китая – это низкая интенсивность взаимодействия, а также преобладание коллективных, а не двусторонних встреч.

Заключение

С точки зрения мир-системного подхода «символические капиталы» России недостаточно соответствуют реальной политической ситуации. «Символический капитал» России, который сформирован во взаимодействии с США, хотя, в целом, соответствует логике «меркантилистского полуухода», интересен тем, что соответствует этой логике случайно. Действительно, на наш взгляд, следует поддерживать взаимодействие со странами центра на уровне осознания значимости партнерства, для того чтобы срабатывала логика ценности взаимодействия, сформированная общим «стилем перцепции», снижался конфликтный потенциал.

О случайности говорит анализ взаимодействия России с двумя другими странами центра – Великобританией и Германией. «Символический капитал» России по отношению к Великобритании не только неэффективен, но даже опасен, ведь квазиоперативный вид «символического капитала» предполагает повышение конфликтности, а потому нежелателен даже при следовании рецепту интеграции в современную мир-систему. Опасность заключается в том, что почти полное отсутствие двусторонних договоренностей означает и отсутствие общего взгляда на проблемы, это абсолютно нивелирует ценность взаимодействия, создавая элемент неопределенности, конфликтности в мир-системе.

Напротив, «символический капитал» на направлении взаимодействия с Германией имеет тенденцию к росту, что, если учесть центральное положение Германии в мир-системе, не является позитивным с точки зрения мир-системного видения мира. Повышение межгосударственных взаимодействий

(в качественном и количественном отношении) России со странами центра, может привести лишь к одному вполне логичному результату – «функциональному закреплению» сложившегося статуса-кво, т.е., увлекаясь сотрудничеством со странами центра, Россия, с одной стороны, незаметно столбит себе место на периферии, закрепляя за собой сложившиеся функции, а с другой стороны, попадает в плен иллюзий относительно общности взглядов на окружающий мир. «Символические капиталы» стран центра по отношению друг к другу заведомо более эффективны, нежели капиталы, формирующиеся между страной центра и периферии, ввиду общей стратегической цели – сохранения своего центрального места.

Приоритетное для России направление, с которого следует начинать создавать альтернативный миропорядок – это постсоветское пространство. Проанализированный материал дает нам два противоположных примера «символических капиталов» – на направлении взаимодействия с Украиной и Белоруссией. «Символический капитал» России по отношению к Украине низколиквиден, т.е. общее символическое пространство очень слабо и вряд ли может быть использовано для каких-либо политических целей, как то создание альтернативных существующей мир-системе структур. Это существенный факт, так как Украина является одной из важнейших периферийных стран постсоветского пространства. Пример создания эффективного, высоколиквидного «символического капитала» дает нам взаимодействие России и Белоруссии. С точки зрения мир-системного подхода именно такого рода «символический капитал» должен лежать в основе создания альтернативных мир-системе структур. Мы не говорим, что союз РФ и Белоруссии является платформой такой альтернативной структуры, мы говорим о необходимом виде «символического капитала»¹.

Согласно общепризнанной позиции неомарксистов (сторонников мир-системного подхода), развитие альтернативных структур возможно лишь в поле полупериферии и периферии. В данной связи важным является направление взаимодействия России с Китаем. «Символический капитал» путинской России по данному направлению хотя и не отличается высокой ликвидностью, а совместный стиль перцепции хотя и не распространяется на большой круг вопросов, однако может быть оценен позитивно, так как первые шаги по формированию общего символического пространства с этой мощнейшей страной полупериферии были сделаны. Возможно, именно это направление знаменует собой первые шаги в создании многосторонней структуры, которая выступит альтернативой сложившейся мир-системе.

В целом, из проделанного анализа следует, что «символические капиталы» России по основным направлениям мир-системы не отличаются высокой эффективностью и ликвидностью, однако есть позитивные сдвиги, тенденции, которые впоследствии, возможно, приведут к осознанию ценности ограниченного взаимодействия со странами центра мир-системы и значимо-

---

¹ Особенно интересен данный вывод, основанный на анализе 8-летнего сотрудничества между странами в контексте недавнего «газового» конфликта с Белоруссией. То, каким образом он будет решен, не только само по себе интересное событие, но и явление, дающее пищу для дальнейших изысканий.

сти взаимодействия по альтернативным интеграции в мир-систему направлениям. Возможно, именно эти тенденции в будущем обретут плоть и послужат каркасом альтернативы существующей мир-системы, альтернативы, иной по «стилю восприятия» и функциональной нагрузке.

Литература

1. Бурдье П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. 333 с.
2. Валлерстайн И. Миросистемный анализ: введение. М.: Территория будущего, 2006. 248 с.
3. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб.: Университетская книга, 2001. 416 с.
4. Валлерстайн И. После либерализма. М.: Едиториал УРСС, 2003. 253 с.